

Т. Е. СУТЯГИНА

(Уральский государственный педагогический университет,
Россия, Екатеринбург)

УДК 821.161.1-31(Сологуб В. А.)

ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК С «КОМПЛЕКСОМ КАЮЩЕГОСЯ ДВОРЯНИНА» В РОМАНЕ В. А. СОЛЛОГУБА «ЧЕРЕЗ КРАЙ»

Аннотация. Исследовательская задача автора статьи заключается в попытке осмысления модификации литературного типа «лишний человек», осложнённый «психологическим комплексом кающегося дворянина» (Г. К. Щенников) в забытом ныне романе В. А. Соллогуба «Через край» (1885). Характерные особенности данного типологического образования выявляются на основе теоретического обобщения знаковых трудов советских и российских литературоведов. На примере анализа образа Петра Ардарова автор стремится проследить процесс возможного влияния нравственных и творческих исканий Л. Н. Толстого, в произведениях которого, по преимуществу, формируется данный литературный тип («Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»), на творчество В. А. Соллогуба. Делается вывод о целесообразности рассмотрения образа Петра Ардарова как осложнённой разновидности литературного типа «лишний человек».

Ключевые слова: романы; лишний человек; дворянство; литературные герои; русская литература; русские; писатели; литературное творчество.

Традиционно под номинацией «лишний человек» понимается «тип, характерный для русской литературы 20-х – 50-х гг. 19 века» [Манн 1967: IV, 400], как правило, дворянин, представитель высшего общества, характерными чертами которого являются образованность, способности, не имеющие возможности быть реализованными в современном герою обществе; отсюда разлад с последним и отчуждение от своей социальной среды, стремление заполнить пустоту и душевную скуку праздными развлечениями, а также духовные поиски, часто увенчивающиеся равнодушием по отношению к жизни в целом.

«Лишний человек» – явление, довольно часто встречающееся в русской литературе, а потому достаточно изученное. Однако порой данный литературный тип может быть куда более сложным образованием. К примеру, Г. К. Щенников, характеризуя образ Николая Ставрогина, героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы», использует обозначение «лишний человек», осложнённый «психологическим комплексом кающегося дворянина» [См. об этом подробнее: Щенников 1987: 268-269]. Несмотря на то, что данная формулировка, на наш взгляд, в полной мере не может быть применена при характеристике образа Ставрогина (в

силу того, что одновременно с желанием покаяться герой ощущает принципиальную невозможность покаяния), позволим себе, опираясь на неё, рассмотреть образ Петра Ардарова, героя романа В. А. Соллогуба «Через край».

Данный роман был опубликован в нескольких выпусках журнала «Новь» (1885 г.) лишь после смерти автора и, будучи незаслуженно забытым, по сей день не переиздавался, «представляя, таким образом, библиографическую редкость» [Ермоленко, Валек 2013: 24].

Главный герой романа Пётр Ардаров – «человек, ищущий своё место в большом русском мире» [Ермоленко, Валек 2012: 203] – принадлежит к плеяде литературных образов, объединённых номинацией «лишний человек». О собственной «лишности» неоднократно задумывается сам герой: «Что я такое? Для чего я живу? – спрашивал себя Ардаров. – Для своих – чужой, для соотечественников – бесполезный! ... И он с отчаянием хватался за голову, словно в лихорадочном бреду»¹ (X, 177); «Он с болью в сердце спрашивал себя: А я-то что?» (V, 545), «Для чего жить? Для кого жить?.. Я никому не нужен...» (XVII, 547). О сходном размышляют и другие персонажи книги: «Ардаров человек весьма благородный и знающий, но идеалист, тогда как нужны люди практические» (X, 176). О том же Ардарову прямо заявляет некий незнакомец, «печальник чужой жизни», повстречавшийся ему на губернаторском балу: «Вы человек не от века сего. Человек вы с характером, но без воли, с идеалами, но без цели. Вы всегда чего-то ищите в тумане и ничего не находите. Да хоть бы и сейчас: что вы здесь? Разве не чуждо вам всё это общество?» (XV, 366).

Приведённые выше цитаты из романа позволяют сделать вывод о том, что весь путь Ардарова, «лишнего» героя своего времени, – путь нравственных исканий, путь поиска собственного места в жизни, поиска себя и своего предназначения.

Кроме того, Пётр оказывается вовлечён в традиционную для лишнего человека ситуацию испытания любовью – «русский человек на rendez-vous» [См.: Чернышевский 1974: III, 398-421]. К слову, Е. Г. Шестакова путём сложнейшего, многоступенчатого анализа выделяет номинацию «русский человек на rendez-vous» как определённую разновидность типа «лишний человек» [См. об этом подробнее: Шестакова 2017].

Ещё в самом начале романа о Петруше говорится как о юноше, не знающем силу любовного чувства: «Нежный от природы, созданный, чтобы любить, он никого любить не мог, так как и его никто не любил»

¹ Здесь и далее цит. по: [Соллогуб 1885] с указанием глав и страниц.

(I, 422). Тем более чувственно герой переживает свою первую, настоящую, но уже запретную (поскольку к тому моменту Ардарова уже женили на средней из сестёр Сухановых – Низи) любовь к «барышне» Наталье Львовне: «С ним происходило что-то странное, непонятное даже для него самого. ... Он безотчётно отдался наплыву охватившего его нового, неизведанного им чувства, – и ему было так хорошо, он был просто очарован новизною ощущения» (XIV, 360-363).

Познание любви способно изменить мироощущение героя, произвести переоценку ценностей: «Не надо мне ни власти, ни заслуг... Дайте мне преданность, одну преданность!.. Любовь дайте мне!.. Вот где жизнь жизни... Вот где её цель, её смысл, её сущность! ... чтобы понять смысл и тайну жизни, – нужна любовь... Любить нужно...» (XV, 370-371).

Герой Соллогуба не вынес испытания любовью, не угадал ту единственную, которая смогла бы составить счастье и смысл его жизни. Лишь уходя, Ардаров понимает, что предназначена ему была младшая из сестёр Сухановых – Татьяна, Тата, которая, по-видимому, всю жизнь любила Ардарова. Умирая, герой произносит: «Таня, на твоих руках сладко умирать. Ты – чистая, добрая, любящая... С тобой, только с тобой могло быть счастье!..» (XXX, 561). А ведь тётушка-карлица, княгиня Горицына, не раз намекала Петруше: «А я тебе скажу, что моя фаворитка Таня – как есть ангел!.. – точно на неё Бог улыбнулся! ... Только молоденькая, милый, для тебя, – всего 15 лет: дожидаться бы пришлось ещё года два, три» (VIII, 75).

Однако, образ Петра Ардарова более всего интересен тем, что наряду с типичными признаками «лишнего человека» в нём наличествуют черты, указывающие на тип «кающегося дворянина» – «человека, возлагающего на себя нравственную ответственность за происходящее вокруг, как в жизни близких ему людей, так и в стране в целом, и в то же самое время осознающего личную неспособность что-либо изменить в общем российском неустройстве» [Ермоленко, Валек 2012: 204].

Само понятие «кающийся дворянин» – одна из ключевых номинаций, характеризующих социальную действительность в 70-е годы XIX века. Впервые оно было употреблено в очерках Н. К. Михайловского «Вперемежку» (1876-1877 гг.): «А я между тем – каюсь; я – кающийся дворянин» [Михайловский 1897: 222].

Типичными чертами «кающегося дворянина» являются: осознание исторической вины перед закрепощённым народом, желание трудом на благо народных масс искупить грех предыдущих поколений, живших за счёт эксплуатации крестьян, покаяние перед народом, готовность порвать все связи со своим классом [см. об этом подробнее: Сулягина 2018: 208-221].

Первоначально данное понятие употреблялось по отношению к определенному типу личности, характерному для периода распространения идей народничества. Формирование литературного «кающегося дворянина», на наш взгляд, в большей мере происходит в творчестве Л. Н. Толстого (романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение»). О специфике «толстовского» героя пишет Е. Н. Купреянова: «Между романами Толстого нет прямой связи, внешнего, сюжетного единства. Они ... связаны посредством их основного, ищущего и во многом автобиографического героя ... Пьера Безухова и Андрея Болконского в “Войне и мире”, Константина Левина в “Анне Карениной”, Дмитрия Ивановича Нехлюдова в “Воскресении”. Каждый из них решает в сущности одни и те же важнейшие и вечные для Толстого нравственно-философские вопросы, но каждый решает их по-своему, применительно к условиям своего времени» [Купреянова 1964: 109].

Некоторые черты, идейные установки, характерные для «кающегося дворянина», мы можем наблюдать, например, в образах А. Болконского и П. Безухова («Война и мир», 1863-1869). Андрей Болконский, осознав ошибочность своих первоначальных убеждений, лишь будучи на войне понимает, что долг каждого человека – служить своему народу, защищать его интересы. Духовные искания героя получают отражение в его деятельности как помещика. Болконский пытается улучшить жизнь крестьян села Богучарово: для одних заменяет барщину оброком, других и вовсе переводит в «вольных хлебопашцев», т.е., наделив землёй, дарует свободу. Позиция героя чётко заявлена в словах: «Надо, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы... на всех она отражалась и чтобы все шли со мною вместе!» [Толстой 1980: V, 165].

Сближение Пьера Безухова с народом происходит во время Бородинского сражения, на батарее Раевского, поскольку именно среди солдат Пьер чувствует себя частью одного большого целого. В свете формирования нравственных идей Безухова особенно важна его встреча с Платоном Каратаевым, солдатом крестьянского происхождения, смысл образа которого «не в проповеди покорности и смирения, а в олицетворении коллективности и ... гармоничности народной психологии, в которой категория “я” растворена в категории всего народа, “мира”» [Купреянова 1964: 124]. Пройдя путь духовных исканий, в конце произведения герой Толстого задумывается над проблемой необходимости нравственного обновления общества. «Пьер Безухов и Андрей Болконский – безусловно лучшие люди своего времени и класса... лучшими их ... делают прежде всего их духовные искания, неудовлетворенность собственной и окружающей жизнью, сложные взаимоотношения со своей средой, нравственный протест против “тяжелой путаницы

действительности?» [Там же: 121]. Однако ни А. Болконского, ни П. Безухова ещё нельзя назвать «кающимся дворянином» в силу того, что проблема осознания исторической вины перед поработщённым народом, стремление искупить «грех отцов» не являются главными вопросами в жизни героев, задающими вектор их духовно-нравственных поисков.

Данное начало усиливается в образе Константина Левина («Анна Каренина», 1873–1877). Дворянин по происхождению, представитель знатного московского рода, Левин «в душе презирал и городской образ жизни... и службу, которую считал пустяками, и смеялся над этим» [Толстой 1981: VIII, 25]. Герой понимает, что «прежние, веками складывавшиеся социальные отношения помещика и работника “переворотились”, а новые только ещё зарождаются, и вопрос о том, как уложатся новые условия, “есть только один важный вопрос в России”» [Шаваринская 2012: 155].

Как справедливо замечает Е. Н. Куприянова, «“фатальная”, т. е. непримиримая, противоположность интересов помещика и крестьянина в буржуазном развитии – это и было именно то, что составляло основное классовое противоречие русской общественной жизни пореформенных лет. Оно же составляет и объективное содержание нравственно-философских исканий Левина [Куприянова 1964: 133]. Именно поэтому герой ощущает жизнь только в единении с народом и пытается найти наиболее удобный способ устройства помещичье-крестьянского хозяйства. Отсюда его идея создания артели, которую, впрочем, крестьяне воспринимают с недоверием: многовековой опыт предков заставляет народ сомневаться и искать подвох в предложениях барина.

Герой испытывает подлинное счастье, лишь ощущая себя частью народа, то есть «оставаясь индивидуальностью, постоянно мыслит себя как звено, как часть более объёмного целого» [Андреева 2011: 118]. В этом отношении наиболее показателен эпизод на покосе, где Левин, полностью отдаваясь общему делу, по отношению к старому крестьянину, который учил его косить, кормил тюрковой из воды с хлебом и рассказывал о своих домашних делах, «чувствовал себя более близким... чем к брату» [Толстой 1981: VIII, 281].

Однако и данный герой ещё не «кается». Левин уже близок к «покаянию», но он ещё не понимает, что невозможно осуществить его идеи, оставаясь помещиком. Для этого необходимо порвать все связи со своим классом. К тому же, несмотря на то, что «герой хочет влиться в тучу, в народ», он «не может оставить прежние мечты о семейном счастье» [Андреева 2011: 118].

В полной мере тип «кающегося дворянина» Л. Н. Толстой воплощает в образе Дмитрия Нехлюдова, героя последнего романа «Воскре-

сение» (1889–1899). Именно князь Нехлюдов, владелец огромного состояния, как никто другой ощущает невыносимую вину перед народом и понимает главную причину его страданий: «Все бедствие народа или, по крайней мере, главная, ближайшая причина бедствия народа в том, что земля, которая кормит его, не в его руках, а в руках людей, которые, пользуясь этим правом на землю, живут трудами этого народа» [Толстой 1983: XIII, 226]. Именно поэтому Нехлюдов отказывается от «пользования правом земельной собственности» [Там же: XIII, 227] в пользу своих крестьян.

Герой принимает решение «чувствовать себя не хозяином, а слугой» [Там же: XIII, 235] и осознанно порывает со своим классом: «Нехлюдов не то что решил, но всем существом почувствовал отвращение к той своей среде, в которой он жил до сих пор, к той среде, где так старательно скрыты были страдания, несомые миллионами людей для обеспечения удобств и удовольствий малого числа, что люди этой среды не видят, не могут видеть этих страданий и потому – жестокости и преступности своей жизни» [Там же: XIII, 254-255].

Индуктивным методом, от частной ситуации (вины перед сломанной судьбой любящей его Катюши Масловой) через осознание вины правящего класса перед низшим сословием (решение Нехлюдовым крестьянского и тюремного вопросов) герой приходит к пониманию незыблемых нравственных принципов человечества (превыше всего – любовь между людьми; отсюда главный вопрос, мучающий героя: как могут одни люди считать себя вправе наказывать других?) и, как следствие, к покаянию.

Судя по замечаниям издателей, роман В. А. Соллогуба «Через край» был окончен в 1880-1881 гг. Данный факт позволяет нам предположить, что автор мог быть знаком с произведениями Л. Н. Толстого и, в частности, с романом «Анна Каренина», ставшим в то время настоящим бестселлером.

Однако не следует однозначно утверждать факт влияния творчества Л. Н. Толстого на роман В. А. Соллогуба. В. М. Жирмунский, анализируя деятельность А. Н. Веселовского, отмечал, что последний сопоставлял «явления литературы с фактами истории языка и общественного быта» [Жирмунский 1979: 18], указывал на социальную обусловленность литературы, а, следовательно, и единство литературного процесса, который правильнее будет назвать историко-литературным. Исследователь подчёркивает, что литература всегда является отражением социальной действительности и «орудием её перестройки». В таком случае литературовед предлагает говорить о стадийно-типологических аналогиях литературного процесса. Это означает, что

один и тот же литературный тип, вероятнее всего, вызван к жизни неким главным конфликтом эпохи, ключевым противоречием общества, буквально летающим в воздухе, а значит и меняющейся атмосферой времени. Возможно, именно герои Л. Н. Толстого и В. А. Соллогуба – есть разные вариации воплощения в литературе одного и того же возникшего социального явления.

Конечно, ко времени создания романа В. А. Соллогуба ещё не написано «Воскресение» Л. Н. Толстого, ещё не создан Дмитрий Нехлюдов – истинный, полноценный «кающийся дворянин», тем не менее, тот самый «комплекс» достаточно серьёзно заложен уже в образе Константина Левина («Анна Каренина»). Поэтому нельзя с уверенностью исключать возможность своеобразного влияния духовно-нравственных исканий одного автора на творческие поиски другого.

В романе «Через край» некоторые, довольно отдалённые черты «кающегося дворянина» (в сущности, заключающиеся лишь в благом отношении к своим крепостным) можно обнаружить в характеристиках деда Ардарова, который «ни разу в жизни не пропустил ничего без подаяния, ... знал русскую душу, русскую силу, русскую немощь» (I, 424) и его отца, который, в свою очередь, «крепостных своих ... не тиранил, оброка не надбавлял. При неурожаях и пожарах в помощи не отказывал, а о благе своих крепостных печаловался» (I, 426). Ардаров-отец, понимая, что не сумел воплотить в жизнь свои убеждения, перед смертью, даёт завет сыну Петруше: «Будь честным русским баринком... Понадобится отечеству жизнь твоя, – не щади. Понадобится твоё состояние, – отдай. <...> Подружись с народом... чтоб учиться у него» (I, 424-425).

Потрясённый смертью отца, Пётр Ардаров честно пытается соблюдать данную ему клятву. Даже в тяжёлых жизненных ситуациях герой не замыкается в собственных бедах: «Ардаров горько задумался над собственным положением, и тут вспомнилось ему, что у него, кроме личной своей семьи, есть ещё другая семья, семья громадная... Семья эта – родная земля...» (VIII, 80). На горестные раздумья Ардарова наталкивают сцены жизни простого народа («Вот тащатся крестьянские розвальни, лошадкой правит маленький мальчик, повязанный матерним платком и в отцовских рукавицах. – Ах ты, нужда, нужда! – почти вслух сказал Ардаров: – вот где надо поучиться терпеть и работать» (VI, 68)), а также наставления тётки-карлицы, княгини Горицыной, напоминающей о завете отца («Слишком не вдавайся в рассуждениях о твоих личных неудачах. Того не забывай, что люди нужны России и особенно в настоящее время, – работники нужны» (VII, 69)).

Ардаров осознаёт несправедливость устройства общества и пытается заняться решением конкретных вопросов для того, чтобы послу-

жить своей родине. Так, отправляясь в путь по стране, он начинает заниматься изучением «вопроса об административной ссылке». Сама Русь «со всеми своими проблемами и бедами воочию предстанет перед Ардаровым, пылливо взглядывающимся в неё» [Ермоленко, Валек 2013: 83]. Наиболее сильное впечатление производит на героя история несправедливо сосланного на верную гибель крестьянина Савелия Фокина, семью которого он встречает в Сибири. Отчасти именно эта история способствует изменению сознания героя: «На гладком снеге лежало вытянувшись голое тело мёртвого мальчика. К дереву прислонилась полулёжа молодая женщина-крестьянка, с лицом измученным, но ещё красивым. Она прикрывалась тулупом, держа на руках грудного ребенка, а из-под дырявого меха выглядывало красное личико девочки лет четырёх. Рядом с ними стоял угрюмый, плечистый мужик с чёрною, как смола, бородою. Тулуп он отдал семье, сам же остался в холщёвой рубахе, ноги обвил сеном, перевязанным верёвками, а тело прикрыв рубищами, снятыми с мёртвого ребёнка» (IX, 82).

Такой увидел Пётр Ардаров жизнь народа. Все его представления не идут ни в какое сравнение с реальной ситуацией. Ужасающее положение бедной крестьянской семьи (в особенности страдания детей) не может оставить равнодушным – Ардаров пытается воплотить в жизнь сформировавшиеся в его сознании принципы «служения народу». Оказывая посильную помощь бедной крестьянской семье, спасая её от холодной смерти, герой понимает: «Вот она служба, – служба настоящая, служба на деле!» (IX, 83).

Объезжая свои владения, вопреки представлениям о лучшей жизни крестьян после отмены крепостного права («Теперь они вольные. <...> теперь их достаток и довольство должны ещё более возрасти» (X, 177)), Ардаров наблюдает совершенно обратное: «В сёлах и деревнях поражала бедность. Хоромы разваливались. Церковь разрушалась. Школ не было. Не было помощи больным. От всевозможных тяжб и судбищ стон стоял» (X, 177).

Анализируя всё увиденное и рассуждая о причинах, приведших к настоящему состоянию дел, Ардаров заключает: «Кто же виноват тут? Конечно, не современность!.. Вина лежит на неурядице легендарной, на исторической последовательности законов, недалёковидных и жестоких» (IX, 82). Деятельность героя постепенно начинает приобретать более конкретный характер: «Он соображал практические улучшения уголовного законодательства... придумывал, на основании опытов, уничтожение бродяжничества, организацию тюремных работ и упразднение пересылочной системы» (X, 176).

В идейном плане образу Ардарова в романе противопоставляется

образ «большого светика» (автор неслучайно использует уменьшительно-ласкательное производное от привычного понятия «свет», тем самым выражая своё уничижительное, ироничное отношение к представителям данной части российского общества), члены которого – состоятельные люди, проводящие свою жизнь в праздных развлечениях и пустых беседах. Герой пытается найти себя, «покидая замкнутый, узкий кастовый мирок петербургского “большого светика” и выходя “через” его “край” на “большую дорогу”» [Ермоленко 2013: 59. Курсив автора. – Т. С.].

Однако Петра Ардарова, на наш взгляд, нельзя назвать типичным представителем, классическим примером «кающегося дворянина» (в отличие от героя романа Л. Н. Толстого «Воскресение»), поскольку некоторые моменты романа заставляют усомниться в готовности героя отречься от своего класса (как предполагает тип «кающегося дворянина»), от всех благ барской жизни, «светского существования, “поэзия” которого всё-таки имела над героем (до самого конца его жизни) власть» [Ермоленко, Валек 2012: 205].

Во-первых, это отнюдь не случайно указанный автором эпизод, в котором Ардаров, будучи застигнутым грозой в дороге и сбившись с пути, отказывается переночевать в корчме старого еврея, где «шевелились, пищали и плакали среди всякой рухляди полунагие жиденята, со взъерошенными головами, и суетилась испуганная жидовка при свете догорающего в бутылке сального огарка», а «на глиняном, изрытом полу валялись кадки, кубышки, кульки, мешки, связки чего-то неопределённого» (XI, 182). В сознании привыкшего к совершенно другим условиям героя закономерно возникает вопрос: «Нет ли здесь другого какого-нибудь жилья поблизости?» (XI, 182). Даже осознавав свою «чуждость свету», Ардаров не сможет вырваться из него: «ставший ему ненавистным “светик” будет цепко удерживать его в своих сетях, разорвать же их у него не хватит сил» [Там же: 206].

Во-вторых, это личное чувство, буквально «через край» захватившее героя, любовная жизненная коллизия, переживание которой в определённый момент берёт верх над служением общим интересам: «Он начинал думать, он смел иногда надеяться, что и на его долю выпадет, наконец, возможность изведать то смутное, великое, заманчивое, что люди называют счастьем» (XVII, 548). И, вопреки заветам отца, Пётр забывает о своём высоком предназначении, переключается на сферу личных жизненных коллизий, погружается в собственные переживания.

В-третьих, все помыслы и стремления Ардарова, ещё более прояснившиеся, в частности, в ходе беседы с «барышней» Натальей Львовной («Все говорят о любви к народу, а охотников послужить это-

му самому народу нет. Любите народ, – идите поучите его словом и примером всему, что ему нужно знать, помогите ему в беде, поддержите его советом» (XII, 193)), остаются таковыми лишь на словах, на деле же – терпят крах: «ни Ардаров, ни, тем более, “барышня” Наталья Львовна, “знающая”, по её мнению, “крестьянство”, так ничего и не сделают для облегчения участи даже своих собственных крестьян» [Ермоленко, Валек 2012: 206].

Исходя из всего вышесказанного, мы предполагаем, что предложенную Г. К. Щенниковым номинацию – *«лишний человек»*, *«осложнённый «психологическим комплексом кающегося дворянина»* (применительно к образу Петра Ардарова) следует считать особой, специфической разновидностью литературного типа «лишний человек». С. И. Ермоленко и Н. А. Валек (вслед за Г. К. Щенниковым) поднимают вопрос о целесообразности рассмотрения образа Петра Ардарова как вариации данного литературного типа, отмечая, что В. А. Соллогуб «в лице главного героя исследует тип “лишнего человека” – “человека не от века сего”, осложнённый психологическим комплексом “кающегося дворянина” 70-х годов» [Ермоленко, Валек 2013: 244]. Путём обстоятельного анализа временных упоминаний в романе, установления хронологической последовательности событий, исследователи чётко определяют границы фабульного времени: *«1853–1873 годы – один из драматических периодов русской истории, вместивший в себя знаковые исторические события: поражение России в Крымской войне, нарастание социальной напряжённости, отмену крепостного права, – изменившие облик страны, в которой “всё переверотилось”»* [Ермоленко, Валек 2013б: 85. Курсив авторов. – Т. С.].

О том, почему «кающийся дворянин» в данной исторической ситуации становится «лишним человеком», С. И. Ермоленко и Н. А. Валек пишут следующее: «Тип “безвольного”, рефлектирующего интеллигента, не сумевшего порвать со своей средой и не знающего, “куда идти”, в пору, когда на первый план выходил вопрос о герое, занимающем активную жизненную позицию, носителе передового общественного сознания, выглядел, очевидно, по меньшей мере, несвоевременным» [Там же: 233]. Точно так же, как и для типичных «лишних людей», для Петра Ардарова становятся безуспешными «мучительные духовные искания... попытки понять истинные причины общего неустройства жизни, а главное – хоть в малой степени изменить ситуацию к лучшему» [Там же: 234].

Завершившись смертью героя, так и не сумевшего в своих нравственных исканиях обрести надёжную опору в ситуации «всеобщего обособления» (Ф. М. Достоевский), не воплотившего в жизнь заветы

отца (не послужившего народу, не послужившего стране), финал романа, тем не менее, оставляет надежду: на свой путь выходит молодой герой – Петруша Колпин, сын Дарьи Андреевны (женщины, всю жизнь любившей Ардарова), вернувшийся в Россию после длительного путешествия по зарубежью. Той же дорогой, что когда-то ехал молодой Пётр Ардаров, едет он, Петруша, «молодой, здоровый, весёлый, честный, готовый служить этой необъятной земле...» (XXI, 566).

Эпизод встречи Петра Ардарова с Петрушей Колпиным, тонкое описание слов и действий Дарьи Андреевны, даёт нам возможность предположить, что Петруша может являться сыном главного героя романа, а значит – продолжателем рода Ардаровых: «Ардаров хотел было протянуть ему руку, но Дарья Андреевна быстро оглянулась на все стороны и скороговоркой шепнула: – Поцелуйте его!.. Ардаров понял... Крепко обнял он мальчика и поцеловал его в голову. Мальчик безотчётно, но с чувством обнял князя. Дарья Андреевна страстно глядела на их обоих, и на прекрасных ещё её глазах засверкали две алмазные слезы...» (XII, 185). Вероятнее всего, поведение Дарьи Андреевны можно прочесть как выражение чувств матери, наконец дождавшейся встречи её сына с отцом. К тому же показательным здесь становится имя мальчика, в точности повторяющее имя главного героя (Петруша – Пётр) что устанавливает ещё большую психологическую связь между Петром Ардаровым и Петрушей Колпиным.

«Так передаётся духовная эстафета от отца... к сыну» [Ермоленко, Валек 2013б: 87], поэтому финал романа даёт надежду на то, что задуманное, но не воплощённое в жизнь «отцом», сумеет воплотить «сын», что именно он – представитель уже нового литературного типа («герой-разночинец») сможет «послужить Земле Русской».

ЛИТЕРАТУРА

Андреева В. Г. Сопряжение личного интереса и общего блага в романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстого // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Кострома : ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 2011. № 1. С. 116-120.

Ермоленко С. И. Символика романа В. А. Соллогуба «Через край» // Словесное творчество : знак – образ – смысл : сб. статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Сургут, 15-16 ноября 2013 г.) / отв. ред. Д. В. Ларкович. Сургут : РИО СурГПУ, 2013. С. 58-64.

Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край» : забытая страница русской романистики. Екатеринбург : ФГБОУ ВПО

«Уральский государственный педагогический университет», 2013. 253 с.

Ермоленко С. И., Валек Н. А. Диалог в ситуации «всеобщего обособления», или «Лишний человек» на rendez-vous (роман В. А. Соллогуба «Через край») // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. Вып. 2 (40). С. 203-209.

Ермоленко С. И., Валек Н. А. Поэтика времени в романе В. А. Соллогуба «Через край» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород : ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н. И. Лобачевского» 2013. № 1 (2). С. 81-87.

Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л. : Наука, 1979. 495 с.

Курпянова Е. Н. «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого // История русского романа. М. ; Л. : Наука, 1964. Т. 2. С. 107-139.

Манн Ю. В. Лишний человек // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М. : Сов. энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 400-402.

Михайловский Н. К. Вперемежку // Сочинения Н. К. Михайловского. Санкт-Петербург : Типо-Литография Б. М. Вольфа, 1897. Т. 4. С. 211-378.

Соллогуб В. А. Через край // Новь : Общедоступный иллюстрированный двухнедельный вестник современной жизни, литературы, науки, искусства и прикладных знаний. Т. 2. № 7-8; Т. 3. № 9-12.

Сутягина Т. Е. «Лишний человек» и «кающийся дворянин» : к вопросу о типологии героев в русской литературе // Актуальные проблемы филологии. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. № 16. С. 208-221.

Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1981. Т. 8. 495 с.; 1982. Т. 9. 462 с.

Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1979. Т. 4. 400 с.; 1980. Т. 5. 429 с.; 1980. Т. 6. 447 с.; 1981. Т. 7. 431 с.

Толстой Л. Н. Воскресение // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 13. 494 с.

Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous // Чернышевский Н. Г. Собр. соч. : в 5 т. М. : Правда, 1974. Т. 3. С. 398-421.

Шаваринская С. Р. Размышления о судьбах русского дворянства на страницах романов Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Ф. М. Достоевского «Подросток» // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Кострома : ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 2012. № 2. С. 154-157.

Шестакова Э. Г. Мотив *русский человек на rendez-vous* как зеркало позиции литератора-критика-литературоведа // *Toronto Slavic Quarterly*. 2017. № 62. С. 159-185.

Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. 352 с.

REFERENCES

Andreeva V. G. Sopyazhenie lichnogo interesa i obshchego blaga v romane «Anna Karenina» L. N. Tolstogo // *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*. Kostroma : FGBOU VO «Kostromskoy gosudar-stvennyy universitet». 2011. № 1. S. 116-120.

Ermolenko S. I. Simvolika romana V. A. Solloguba «Cherez kray» // *Slovesnoe tvorchestvo : znak – obraz – smysl : sb. statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Surgut, 15-16 noyabrya 2013 g.) / otv. red. D. V. Larkovich*. Surgut : RIO SurGPU, 2013. S. 58-64.

Ermolenko S. I., Valek N. A. V. A. Sollogub «Cherez kray» : zabytaya stranitsa russkoy romanistiki. Ekaterinburg : FGBOU VPO «Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet», 2013. 253 s.

Ermolenko S. I., Valek N. A. Dialog v situatsii «vseobshchego obosobleniya», ili «Lishniy chelovek» na rendez-vous (roman V. A. Solloguba «Cherez kray») // *Politicheskaya lingvistika / gl. red. A. P. Chudinov*. Ekaterinburg : FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2012. Vyp. 2 (40). S. 203-209.

Ermolenko S. I., Valek N. A. Poetika vremeni v romane V. A. Solloguba «Cherez kray» // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. Nizhniy Novgorod : FGAOU VO «Natsional'nyy issledovatel'skiy Nizhegorodskiy universitet im. N. I. Lobachevskogo 2013. № 1 (2). S. 81-87.

Zhirumskiy V. M. Sravnitel'noe literaturovedenie. L. : Nauka, 1979. 495 s.

Kupreyanova E. N. «Voyna i mir» i «Anna Karenina» L'va Tolstogo // *Istoriya russkogo romana*. M. ; L. : Nauka, 1964. T. 2. S. 107-139.

Mann Yu. V. Lishniy chelovek // *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya : v 9 t. M. : Sov. entsiklopediya*, 1967. T. 4. C. 400-402.

Mikhaylovskiy N. K. Vperemezhku // *Sochineniya N. K. Mikhaylovskogo*. Sankt-Peterburg : Tipo-Litografiya B. M. Vol'fa, 1897. T. 4. S. 211-378.

Sollogub V. A. Cherez kray // *Nov' : Obshchedostupnyy illyustriruvanny dvukhnedel'nyy vestnik sovremennoy zhizni, literatury, nauki, iskusstva i prikladnykh znaniy*. T. 2. № 7-8; T. 3. № 9-12.

Sutyagina T. E. «Lishniy chelovek» i «kayushchiysya dvoryanin» : k

voprosu o tipologii geroev v russkoy literature // Aktual'nye problemy filologii. Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2018. № 16. S. 208-221.

Tolstoy L. N. Anna Karenina // Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t. M. : Khudozh. lit., 1981. T. 8. 495 s.; 1982. T. 9. 462 s.

Tolstoy L. N. Voyna i mir // Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t. M. : Khudozh. lit., 1979. T. 4. 400 s.; 1980. T. 5. 429 s.; 1980. T. 6. 447 s.; 1981. T. 7. 431 s.

Tolstoy L. N. Voskresenie // Tolstoy L. N. Sobr. soch. : v 22 t. M. : Khudozh. lit., 1983. T. 13. 494 s.

Chernyshevskiy N. G. Russkiy chelovek na rendez-vous // Chernyshevskiy N. G. Sobr. soch. : v 5 t. M. : Pravda, 1974. T. 3. S. 398-421.

Shavarinskaya S. R. Razmyshleniya o sud'bach russkogo dvoryanstva na stranitsakh romanov L. N. Tolstogo «Anna Karenina» i F. M. Dostoevskogo «Podrostok» // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. Kostroma : FGBOU VO «Kostromskoy gosudarstvennyy universitet». 2012. № 2. S. 154-157.

Shestakova E. G. Motiv russkiy chelovek na rendez-vous kak zerkalo pozitsii literatora-kritika-literaturoveda // Toronto Slavic Quarterly. 2017. № 62. S. 159-185.

Shchennikov G. K. Dostoevskiy i russkiy realizm. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1987. 352 s.